

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ТАЙНА ОСТРОВА
СОЛСБЕРИ**

Морской спецназ

Сергей Зверев

Тайна острова Солсбери

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Тайна острова Солсбери / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Морской спецназ)

Боевого пловца Евгения Черенкова увольняют из рядов Вооруженных сил, и он, чтобы хоть как-то прокормиться, устраивается шахтером в компанию «Стратегия-Рен». Его отправляют на остров Солсбери, на шахту по добыче рения – редкого и астрономически дорогого металла. Уже в день приезда Черенков понимает, что попал в страшное и смертельно опасное место: в бараках царят уголовные порядки, а главное развлечение шахтеров – чудовищные по своей жестокости турниры на выживание. Отказаться от работы на шахте или от участия в турнире нельзя – убьют, и подтверждение тому – горы трупов в местном морге. Но Черенков не намерен мириться со своим бесправным положением. Он собирается сбежать с проклятого острова...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Зверев

Тайна острова Солсбери

Часть первая Новая работа

Пролог

Российская Федерация, архипелаг Земля Франца-Иосифа, остров Солсбери. Неделю назад

Вы когда-нибудь посещали остров Солсбери? Нет, не тот, что входит в Канадский арктический архипелаг, а наш – российский, который в самом центре архипелага Земля Франца-Иосифа.

Уверен – не посещали. Более того, даже не видели издалека. В лучшем случае разглядывали несколько мрачноватых фотографий, гуляющих по Всемирной сети и наводящих тоску на желающих ими «полюбоваться».

Снимки действительно мрачные. Тяжелые темные тучи нависают над громадной скалой, укрытой шапкой из вечного льда и снега. Скала с ровными вертикальными краями, будто когда-то поднялась из свинцового моря и тянется с северо-запада на юго-восток на многие, многие километры. Ах да, еще ледники! Множество огромных белых ледников, сползающих со скалы в море по крутым разломам. И больше ничего.

Впрочем, ничего там и не было до той поры, пока островом не заинтересовалась компания «Стратегия-Рен».

* * *

После долгого ожидания погода наконец наладилась: ледяной ветер стих, в тяжелой сплошной облачности появились разрывы, сквозь которые ко льдам и черным скалам изредка прорывались лучи солнца.

На плоской вершине черной скалы одиноко высился большой металлический ангар, на его мачте развевался флаг с логотипом «Стратегия-Рен». Основание ангара со всех сторон было замечено снегом, и лишь серая полукруглая крыша резко выделялась на фоне бесконечной и абсолютной белизны.

Издав пронзительный скрип, створка раздвижной конструкции отъехала в сторону, открыв взору ангарное нутро – квадратную площадку с вертолетом, контейнерами, бетонным лифтовым бункером и копошащимися авиационными техниками, одетыми в теплые синие комбинезоны. Здесь все были одеты так, словно намеревались отправиться на долгую зимовку – летные унты, меховые куртки и шапки, шерстяные маски, шарфы, рукавицы. Различался лишь цвет этой невероятно утепленной одежды. Впрочем, для здешних мест это выглядело нормально, ведь ледяной пронизывающий ветер не стихал почти никогда, а температура даже на макушке лета редко поднималась выше нуля градусов.

Пока техники отогревали двигатели, редуктор и кабину вертолета при помощи тепловой пушки с толстыми брезентовыми рукавами, пара работяг под бдительным наблюдением чет-

верх охранников подняла на лифте с десятков серебристых контейнеров и перетаскала их в грузовую кабину.

Наконец техники свернули длинные рукава, а экипаж произвел запуск. Выхлопные патрубки выпустили облачко керосинового перегара; натужно погудев, турбины взяли высокую ноту; винты послушно раскрутились и набрали обороты. Обслуживающий персонал попрятался от поднявшегося ветра за «дот», а два пилота занялись проверкой оборудования...

«Готово!» – махнул рукой через пять минут командир экипажа.

Подбежавший техник просунул голову в щель сдвинутого блистера.

– Все в порядке?

– Да. Веди пассажиров.

Техник вразвалочку побежал к единственному строению внутри ангара – бетонному лифтовому бункеру, напоминающему долговременную огневую точку времен Второй мировой войны. Встав перед видеокамерой и маленьким монитором, он нажал кнопку вызова.

– Слушаю, – ответила появившаяся на экране мужская голова.

– Вертолет к вылету готов. Можно поднимать пассажиров и провожающих.

– Отправляем. Встречайте...

Ровно через минуту пронзительно взвывла сирена и замигала красная лампа над проемом лифтовой двери. Тяжелые бронированные двери медленно расплзлись в стороны, из кабины вышло несколько человек.

Первыми вышли два охранника в черной форме, из вещей при них имелось лишь оружие. Двое других походили на пожилых супругов; на них были обычные гражданские куртки, джинсы и утепленная полуспортивная обувь; на плечах они тащили по объемной дорожной сумке. Еще четверо в ярко-оранжевых комбинезонах напоминали провожающих.

В отличие от хмурых и сосредоточенных сотрудников охраны супруги выглядели радостными – лица буквально светились счастливым ожиданием отлета с холодного неприветливого острова. Срок действия их трудового контракта закончился, на Большой земле ждали родственники, друзья и множество благ цивилизованной благоустроенной жизни, на которую наконец-то удалось заработать и поднакопить.

Один из техников проводил группу к вертолету и помог разместиться внутри тесноватой грузовой кабины, заставленной серебристыми контейнерами.

Супруги тепло попрощались с друзьями. Техник захлопнул дверцу и подал пилоту знак: «Все в порядке, посадка закончена. Можете взлетать».

Оглядев площадку, пилот начал плавно увеличивать мощность двигателей...

* * *

Оторвавшись от бетона и едва не задев лопастью края раздвижной конструкции, легкий вертолет набрал десяток метров и, клюнув носом, стал разгоняться. Спустя минуту ангар и поднятое облако снега остались позади...

Зажав между коленей автоматы, охранники в черном молча пялились в иллюминаторы на бесконечное серое море, проплывающее под днищем винтокрылой машины. Сидящие напротив супруги о чем-то оживленно переговаривались, громко смеялись. Мужчина несколько раз доставал из кармашка сумки пластиковую банковскую карту и, демонстрируя супруге, о чем-то радостно говорил на ухо. На одном из соседних островов они готовились пересесть на самолет, следующий рейсом до «Шереметьево». Три часа полета, и долгожданная встреча с родственниками и друзьями...

Расстояние от острова Солсбери до острова Земля Александры, где находилась ледовая взлетно-посадочная полоса городка Нагурское, не превышало ста сорока километров. Для небольшой и юркой «вертушки» – сорок минут полета.

Примерно на середине пути, когда слева по курсу проползал мыс Брюса – северная оконечность острова Земля Георга, охранники незаметно переглянулись.

«Пора», – кивнул старший.

Через мгновение в его ладони блеснул вороненой сталью пистолет. В кабине вертолета один за другим прозвучали четыре выстрела.

Пилоты восприняли звуки выстрелов спокойно. Командир продолжал пилотировать машину и даже не повел ухом. Второй пилот оглянулся и буднично спросил:

– Готово?

– А то, – пробурчал в ответ старший охранник. – Дурное дело – нехитрое...

– Заканчивайте. Скоро начнем снижаться...

Охранник с офицерским шевроном на рукаве сдвинул и зафиксировал грузовую дверь. Другой подтащил тело мужчины и сбросил его в открытый проем; следом вниз полетела и убитая женщина.

– Давай багаж! – пытаясь перекрыть шум винтов и двигателей, обернулся офицер охраны.

И заметил, как помощник пытается открыть «молнию» одного из кармашков баула, где лежала пластиковая банковская карта.

Сунув ему под нос здоровенный кулачище, старший схватил обе сумки и вышвырнул из вертолета.

– Порядок! – доложил он пилотам.

– Пятен крови не осталось?

– Все чисто.

– Хорошо. Снижаемся. Через семь минут посадка.

Впереди белело обширное снежное поле острова Земля Александры. Рядом с взлетной полосой в ожидании серебристых контейнеров стоял самолет с нарисованным на борту логотипом компании «Стратегия-Рен»...

Глава первая

Российская Федерация, Москва. Наше время

Я тяжело продвигаюсь по длинному ответвлению подводной пещеры. Минуло около получаса исследований, а главный вопрос так и остается без ответа – мне до сих пор непонятно, появился ли тоннель естественным образом или же его создали люди.

Петляя из стороны в сторону, ответвление с каждым метром становится уже, оставляя мне все меньше и меньше пространства. Несмотря на низкую температуру воды, я одет в раздельный неопреновый костюм, ибо в «сухом» многослойном гидрокомбинезоне мне не удалось бы протиснуться сквозь некоторые узкости тоннеля. По той же причине пришлось отказаться от ребризера и двухбаллонного акваланга. Впрочем, и единственный двадцатилитровый баллон я отстегнул и толкаю перед собой, иначе рисковал бы застрять и остаться в извилистой кишке навеки.

Двигаться неудобно. В одной руке зажата катушка со светлой нейлоновой нитью; постепенно разматываясь, нить укажет направление в том случае, если придется возвращаться. Другой рукой удерживаю мощный фонарь, освещающий шероховатые стены и конусообразные отложения. Баллон я проталкиваю по тоннелю то руками, то головой. Это затруднительно, так как баллон закрывает обзор...

Я провел под водой полжизни и считаю самым опытным боевым пловцом отряда специального назначения «Фрегат-22», но спелеологическим дайвингом занимался лишь однажды. Случилось это несколько лет назад, когда посчастливилось провести отпуск на западе Австралии. Есть там занятная пещера со странным названием «Веэбубби», которая считается крупнейшим в мире подводным тоннелем. Там моим учителем был британский инструктор Мартин, преподавший пару бесценных уроков. Но то было давно и в Австралии. Тамошняя пещера по сравнению с этой – дворец с чередой просторных залов...

Давление в баллоне падает, а конца тоннелю не видно. Стометровая нить давно закончилась, и катушку пришлось оставить у одного из поворотов. В общей сложности я преодолел около двухсот метров.

Впереди небольшое расширение тоннеля, а за ним крутой поворот. Осторожно прохожу его, и желтый сноп фонарного света упирается в вертикальную стену. В нижней ее части чернеет небольшое отверстие диаметром меньше полуметра. Подхожу ближе...

Осмотрев неровные края единственного прохода, заглядываю внутрь и замечаю впереди таинственный зеленоватый свет.

Неужели я добрался до выхода?!

Выключаю фонарь, чтобы убедиться в наличии постороннего света. За пару секунд глаза привыкают к темноте, и я действительно вижу зеленоватые всполохи, пляшущие по стенам подводной пещеры. До них чуть более десятка метров.

Воодушевленный близостью победы, я заталкиваю в отверстие баллон, вытягиваю руки и пытаюсь преодолеть последнее препятствие на пути к свободе.

Опасное сужение длинного лаза я замечаю слишком поздно, когда основания вытянутых рук прочно застревают между шершавой поверхностью проклятого песчаника.

Положение становится безвыходным. Я дергаюсь, изворачиваюсь, работаю ногами и шевелю руками, но... остаюсь неподвижен относительно пленившей западни.

«Спокойнее. Только не поддаваться панике. Паника – это предвестник дайверской смерти, – успокаиваю сам себя. – Для начала отдышаться, проанализировать ситуацию и продумать план спасения. А потом уж действовать».

Привожу дыхание в норму, ощупываю стены; вытянувшись стрункой, пробую сдвинуться с места.

Попытка заканчивается тем, что облегающий тело неопрен протирается и рвется. Образовавшиеся складки окончательно хоронят надежды выбраться из тоннеля. Я дергаюсь то вперед, то назад, то стараюсь хотя бы на градус повернуться вокруг продольной оси.

Ничего не выходит.

Перед глазами мельтешит манометр, привязанный коротким поводком к баллону. Черная стрелка на шкале со светонакопителем угрожающе подрагивает в середине красного сектора.

Газа в баллоне почти не остается...

Резко крутанувшись из последних сил, я свалился с кровати и больно тюкнулся затылком об пол.

Широко открыв глаза, несколько секунд гляжу в темный потолок и не понимаю, где нахожусь, а главное – удалось ли мне выбраться из подводной пещеры.

– Фу-ух, – сажусь и вытираю со лба холодный пот.

Я дома – в своей скромной однокомнатной квартирке на окраине Москвы. За окном темно, светящиеся зеленые цифры на часах показывают половину четвертого. Значит, скоро рассвет.

Голова после выпитой вечером водки тяжелая, во рту пересохло.

Поднявшись, ковыляю на кухню и надолго припадаю губами к бутылке холодной минеральной воды...

Проклятый сон, наполненный живыми воспоминаниями о моих относительно недавних приключениях в подводном тоннеле, беспокоит нечасто. Как правило, это случается накануне важных событий, являясь апофеозом внутренних треволнений.

Утром предстоит ехать в центральный офис компании, куда я пожелал устроиться работать. Компания небедная: бомжей, алкашей и проходимцев с улицы не берут. Позвонив в офис, я долго отвечал на вопросы менеджера по кадрам, пока не получил «добро» приехать на очное собеседование и предварительное ознакомление с контрактом.

Возвратившись в комнату, падаю на кровать.

В запасе остается пара часов. Нужно попытаться уснуть покрепче. Так, чтобы не снились кошмары из прошлой жизни.

* * *

Я сижу на удобном стуле в кабинете шикарного офиса, по стенам которого развешаны плакаты с фотографиями счастливых мужских и женских лиц. Под лицами начертаны цифры с большим количеством нулей: от пятидесяти тысяч до двухсот пятидесяти. Впереди перед каждой суммой красуется значок «\$».

Понятия не имею, что означают эти плакаты, да и не до них: я держу в руках типовой контракт и стараюсь дышать в сторону от сотрудницы компании – менеджера по кадрам. Позади меня на стульчике сидит мужчина лет тридцати в потрепанном костюме советского интеллигента. Он невысокого роста, щупл и ровно подстрижен; верхнюю часть лица «украшают» очки в тонкой оправе. «Неужели тоже устраивается на шахту?» – подумал я, увидев его в кабинете. Он прошел собеседование раньше меня и теперь, вероятно, ожидал результат.

Сегодня я чисто выбрит, причесан, одет в единственный приличный костюм – моя внешность полностью соответствует лоску и новизне кабинета, выдержанного в бело-оранжевых тонах.

Да, внешность подправить удалось, а выхлоп после вчерашнего остался. В общем, знакомлюсь с условиями, а в угнетенном этанолом мозгу складываются эпические картинки...

Собеседование началось с анкеты.

– А на хрена шахтеру анкета? – вежливо поинтересовался я.

– Так положено. Заполняйте или покиньте мой кабинет, – так же вежливо отвечала она. Пришлось напрягать отравленный алкоголем мозг и копаться в истории собственной жизни, извлекая из нее и фиксируя на бумаге наименее опасные повороты.

Покончив с анкетой, я принялся изучать контракт...

– Прочитали? С условиями согласны? – не отрываясь от компьютерного монитора, интересуется девушка.

– В процессе, – проглатываю строчку за строчкой.

Лицо девушки с нитками выщипанных бровей и жирно накрашенными ресницами меня не интересует – уж слишком отчетливо на нем написано презрение ко всему человечеству. Может, феминистка или еще как-нибудь жизнью обижена.

Она печатает на компьютере и одновременно задает дежурные вопросы:

– Как много у вас близких родственников?

– Только мама.

– Где она проживает?

– В Саратове...

Девушка – обычная представительница тупых офисных стерв. Ноги от ушных мочек, глаза по пятаку, губки бантиком, сиськи Эверестом. И юбка, едва успевшая начаться. Мне хорошо известен данный типаж: запредельный ЧСВ (чувство собственной важности), диплом платного отделения усть-козлярского экономического колледжа и патологический синдром вершительниц человеческих судеб. Такая родную маму не пожалеет ради того, чтобы трахнуть с местным боссом. А потом, пользуясь доступом к начальственному телу, уничтожит всех его врагов. Но начнет, конечно, со своих.

Изредка я поглядываю на ее бейдж, на котором значится: «Старший менеджер по кадрам Баталина Ольга Ананьевна». По правде говоря, поглядываю я не на бейдж, а на полы белой блузки, кое-как стянутые парочкой пуговиц на отнюдь не католической груди.

– Где вы работали раньше? – цедит она сквозь ровные зубки.

А вот об этом распространяться не стоит. Во-первых, принадлежность к довольно редкой профессии может повредить трудоустройству. Во-вторых, я давал подписку о неразглашении секретной информации, связанной с предыдущей специальностью.

Решаю назвать последнее место работы – там ничего секретного не было.

– Московский метрострой.

– Кем вы работали?

– Изолировщиком.

– Каков стаж вашей работы в Метрострое?

Смотрю на свою трудовую книжку, к которой мадам даже не притронулась, хотя она лежит перед ней, и нагло вру:

– Около пяти лет.

– С условиями ознакомились? – щелкает Ольга Ананьевна длинными ноготками по клавиатуре.

– Заканчиваю...

В тексте ничего нового. Отсутствие прав компенсируется высокой степенью ответственности. Контракт буквально пестрит жирным курсивом, коим обозначены всевозможные запретительные меры и строгие кары за их нарушения. Такие слова и фразы, как «штраф», «запрещено», «подлежит административному наказанию», «работник несет ответственность», «покрывает убытки» и тому подобное, – встречаются на каждой странице по десятку раз.

Завершая ознакомление с грозным документом, меня так и подмывало спросить Баталину: «А не должен ли я уметь собирать сахарный тростник и знать наизусть песню негров из «Рабыни Изауры»?..»

Тактично умолчав о неграх, произношу иное:

– Есть несколько вопросов.

– Да, я слушаю.

– Требуют пояснения несколько пунктов.

– Что именно непонятно?

– Вот... в пункте 4.2 «Выплата заработной платы и иных платежей, связанных с трудовой деятельностью Работника, осуществляется Работодателем путем перечисления денежных средств на банковский счет Работника».

Глядя в монитор, девушка высокомерно улыбается:

– И что же непонятного в этом пункте?

– Дело в том, что у меня нет банковского счета.

– Это не проблема. Мы открываем счет в партнерском банке каждому, кто устраивается к нам на работу. Если вас устроят условия, то после прибытия на шахту вам выдадут банковскую карту.

Ладно, одно мутное пятно прояснили.

– Вот здесь еще... В следующем пункте указано, что со счета наемного работника ежедневно списывается сумма, эквивалентная двадцати долларам США. Можно узнать, зачем удерживаются эти деньги?

– Конечно. Двадцать долларов – оплата за питание. Вас будут очень хорошо кормить в столовой.

– Шестьсот рублей, – чешу затылок. – А не много ли? В Москве на питание у меня уходит около четырехсот...

Ольга Ананьевна кривит накрашенные губки в скептической улыбке:

– Помилуйте, Евгений Арнольдович! Во-первых, в московские супермаркеты продукты доставляются наземным транспортом, а на нашу шахту их возит самолет. Во-вторых, не забывайте о расстоянии.

– А что с «расстоянием»? О нем в договоре не сказано.

– Поверьте на слово: чтобы доставить продукты на шахту, экипажу самолета приходится преодолеть почти три тысячи километров. И, наконец, третье, – делает она многозначительную паузу. – Если вы вольетесь в состав сотрудников нашей компании, то будете получать приличную зарплату и практически не заметите ежедневного вычета.

– И насколько «приличную»?

– Первый год испытательный – вы поступаете на шахту простым разнорабочим с жалованьем в две тысячи долларов в месяц...

Я готовился услышать умопомрачительную сумму и разволновался как первоклассник, которому могут не позволить позвонить в колокольчик на первое сентября. Но меня постигло разочарование.

Растерянно переспрашиваю:

– Всего две тысячи долларов?

– Я же сказала, что это жалованье на период испытательного срока. Через год вы станете горнорабочим очистного забоя, проходчиком, забойщиком на отбойных молотках или машинистом горных выемочных машин. Это предусматривает двукратное увеличение заработной платы, ну а дальнейшая карьера всецело зависит от вашего отношения к работе. В будущем вас могут назначить и бригадиром, и горным диспетчером, и даже начальником участка. А это, поверьте, совсем другие деньги...

Быстренько прикидываю: «Две тысячи долларов в месяц. Делим на тридцать и получаем шестьдесят шесть. Всего шестьдесят шесть баксов в день. Из них двадцатку вычитают за жратву. Сорок шесть оседает на кармане. Точнее, на банковском счете. Негусто...»

Похоже, девчонка замечает промелькнувшую на моем лице тень сомнения. Потому как в следующей фразе выкладывает очередной козырь:

– Кстати, зарплата – не единственная статья доходов наших сотрудников.

– Вот как? – понемногу теряю я интерес к собеседованию и к компании в целом. – А еще раз в год выдают премии в конвертиках за перевыполнение плана?

– Да, премии, но не за работу, а за победы в своеобразных турнирах.

Это было что-то новенькое. Я заинтересовался:

– Нельзя ли поподробнее?

– Все довольно просто. Работающим на шахте людям надо было как-то разнообразить выходные дни. Чем заняться взрослым сильным мужчинам в свободное от работы время, если спиртное и казино запрещены, женщин практически нет, других развлечений тоже?.. Сначала шахтеры сами придумали несколько интересных соревновательных конкурсов, а затем эту идею подхватило наше руководство, повернув инициативу снизу в профессиональное русло. С тех пор каждый выходной проводятся различные турниры и, представьте, все сотрудники очень довольны, ведь победители получают неплохие призовые деньги.

– Могу ли я узнать размеры призовых? Хотя бы приблизительные цифры.

Выдержав небольшую паузу, она сообщает:

– Цифры внушительные: от пятидесяти до двухсот пятидесяти тысяч.

– Долларов? – изумленно уточняю.

– В нашей компании рубли не в почете, – чеканит Баталина. – Мы используем в расчетах только доллары. В крайнем случае – евро или английские фунты.

Это в корне меняет дело. Я никогда не считал себя слабосильным хлюпиком и вполне мог сорвать солидный куш в любом состязании.

И все же сомнение не покидало: «Неужели жадные капиталисты готовы расстаться с такими немалыми средствами ради хорошего настроения простых работяг? Что-то плохо в это верится...»

– Вот, посмотрите, – жестом сказочной феи Ольга Ананьевна указывает на плакаты. – Наши победители конкурсов и счастливые обладатели огромных премий. Причем тут далеко не все. Кстати! – оживает она, – сегодня в смене охранников как раз работает один из победителей – Анатолий Евграфов. Он сумел победить в самом сложном турнире и получил двести пятьдесят тысяч долларов. Можете побеседовать с ним и узнать подробности.

– Хорошо. Тогда последний вопрос.

– ?

– В разделе «Заключительные положения» есть некий странный пункт... А, вот: «В случае наступления естественной смерти Работника, а также смерти по болезни или смерти вследствие несчастного случая Работодатель берет на себя обязанность кремировать тело Работника и доставить прах по указанному в настоящем договоре адресу...»

Ольга Ананьевна снова одаривает насмешливым взглядом.

– Что же в этом пункте вас смутило?

– Все мы смертны – тут вопросов нет. Но, предположим, я не хотел бы, чтобы мое тело после смерти кремировали. Неужели нельзя предстать перед родственниками... в целеньком виде?

– Исключено. И причины все те же: одно дело – привезти на Большую землю прах в небольшой капсуле, и совсем другое – канителиться с цинковым гробом. К слову, на нашей шахте и гробов-то нет.

– И как часто там умирают люди? – спрашиваю на всякий случай.

– Бывает. Но не чаще, чем на обычных шахтах...

Тоска берет от таких разговоров. Хочется помереть где-нибудь среди звезд на космическом корабле, а понимаешь, что сдохнешь на этой мелкой планетке среди идиотов...

Глубокую философскую мысль прерывает вошедший в кабинет мужчина. Входит он хозяйски решительно и тут же направляется к столу Баталиной. Та, завидев его, подсакивает как ужаленная, растягивает губки в подобострастной улыбочке и ангельским голоском произносит:

– Здравствуйте, Сергей Владимирович. Очень рада вас видеть.

Мы с очкастым интеллигентом молча взираем на вошедшего.

Мужуку лет сорок, он грузен и высок ростом, с лощенным белокожим лицом, покрытым реденькой бородкой. Одет в дорогой костюм, на груди бейдж, но надписи не видно. По манерам – явно не рядовой сотрудник.

– Как у нас дела? – негромко интересуется он у Баталиной.

– К сожалению, только четверо, – столь же тихо отвечает она.

– Почему так мало? Завтра рейс.

– Вот еще два кандидата, – кивает она в нашу сторону. – Но они не имеют профессиональной подготовки.

Сергей Владимирович склоняется над монитором и что-то читает. Затем поднимает голову и обращается ко мне:

– Вы Черенков?

Киваю.

– Он самый.

– Пять лет работали в Метрострое?

– Было дело.

– Разнорабочим пойдете?

– Куда деваться? Пойду...

– А вы Чубаров? – поворачивается он к интеллигенту.

– Да, Андрей Викторович.

– Врач, – мнет мужик бороду, – к сожалению, все вакансии в медблоке закрыты. На другую специальность согласны?

– Согласен, – мямлит мой коллега.

– Принимай обоих на должности разнорабочих. Завтра же отправим.

– Поняла, Сергей Владимирович. Сейчас сделаю...

Мужик распрямляется и с довольным видом подмигивает:

– Вот и славно. Мы же люди, в конце концов, и должны помогать друг другу. Вы – нашей компании, а компания – вам.

Теперь я вижу его бейдж с крупной надписью: «Потапчик Сергей Владимирович. Генеральный директор».

«Ого, да это директор собственной персоной! – мысленно удивляюсь сему явлению. – С чего это он мотается по кабинетам рядовых сотрудников?»

Буквально через секунду все становится на свои места: директор со смешной фамилией опять склоняется к Баталиной и заговорщицки шепчет:

– Позвони в конце рабочего дня. Есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться...

Щеки девчонки покрывает румянец, а большой в прямом и переносном смысле человек покидает кабинет.

Понятно. Банальный служебный роман. Впрочем, это их личные дела, а мужик, судя по всему, нормальный. Другой сослался бы на инструкции, правила, законы... И отшил бы на счет «раз». Этот же вошел в положение и дал соответствующую команду.

– Итак, у меня все готово, – деловито объявляет барышня, возвращаясь из романтических грез на землю. – Распечатываем?

– Валяйте.

За моей спиной гудит принтер, выплевывая один за другим листы контракта. Девушка выравнивает стопку, скрепляет ее степлером и протягивает вместе с авторучкой.

– Прошу. Расписаться нужно внизу на каждом листе. И не забудьте указать подробный адрес, куда следует доставить урну с вашим прахом. Сейчас распечатаю и ваш контракт, – говорит она бывшему врачу Чубарову.

Тот подсаживается ближе к столу. Я же беру свои бумажки и привычным движением клонирую размашистую подпись...

Глава вторая

Российская Федерация, Москва. Наше время

Настала пора представиться. Я – Черенков Евгений Арнольдович. Рост – два метра и еще несколько сантиметров. Но длинным назвать меня сложно. Чаще называют огромным, потому что вес мой – около ста двадцати килограммов, и рассредоточен он достаточно равномерно ниже худощавой головы. Про таких, как я, в девяностые годы говорили: братик-квадратик.

Что еще сказать о себе? В недалеком прошлом капитан первого ранга, бывший боевой пловец, бывший командир специального отряда «Фрегат-22». Бывший, бывший, бывший... Увы, но волна «реформ» докатилась и до подразделений, находящихся в прямом подчинении директора ФСБ. Волна была очень высокой и смыла тонкий слой оставшегося здравого смысла. В итоге меня и моих коллег вышвырнули со службы с формулировкой «Уволить в запас в связи с сокращением и реорганизацией внутренней структуры Федеральной службы безопасности...».

Когда нашим чиновникам что-то приспичит, они все делают молниеносно. Процесс увольнения и расчета занял не более двух недель, в результате все мы оказались на улице. Мне и другим ветеранам отряда, уже имевшим приличную выслугу, относительно повезло – нам начислили пенсию. Более молодым коллегам просто помахали ручкой, сказав: «Когда понадобится, мы вас найдем...»

Вряд ли после подобных выкрутасов парни согласятся вернуться на государственную службу. В конце концов, в нашей стране полно всевозможных коммерческих структур, деятельность которых так или иначе связана с подводным дайвингом. Любого из молодых пловцов они возьмут с удовольствием, ведь он готовый инструктор, прошедший огонь, воду и концерты медных труб. В общем, настоящая находка для таких компаний. Плати нормальные деньги и используй на полную катушку его бесценный опыт.

Поначалу я настолько был обескуражен внезапным увольнением, что не хотел ничего. Ни-че-го. Отсыпался, отдыхал, вдоволь проспиртовал организм. Через полгода надоело сидеть в тесной однокомнатной квартирке и задыхаться собственным перегаром.

Обзвонив бывших коллег по «Фрегату», я внезапно понял простую и неприятную вещь: с моей уникальной специальностью устроиться в нашей стране не так-то просто. Повезло лишь Мишке Жуку, подвизавшемуся инструктором подводного дайвинга. Двое стали водолазами, двое – спасателями. Остальные подрабатывали всякой ерундой.

Не желая навсегда расставаться с подводными глубинами, я тоже отправился на поиски подходящего работодателя. За месяц поисков пришлось побывать в трех десятках компаний, организующих морские путешествия, рыбалку, подводные экскурсии... но довольно скоро пришло разочарование. Где-то дайверская работа подменялась службой обыкновенного спасателя (или что-то вроде этого), где-то платили копейки, оскорбляющие саму суть опасного занятия, где-то сидели мутные люди, не решившие, что и кто им нужен. Некоторые менеджеры по кадрам, глянув мои документы, заявляли: «Извините, но вам под сорок, а нам нужен молодой специалист...» А чаще ссылались на отсутствие свободных вакансий и предлагали позвонить через месяц-два, а лучше – через полгода...

Однажды повезло – я наткнулся на объявление известной московской кинокомпании, планировавшей снять крутой боевик. Часть действий по сценарию происходила под водой, поэтому режиссер искал соответствующих профессионалов. Пришел, представился, полчаса побеседовал с одним из ассистентов. В итоге взяли в качестве консультанта и каскадера; несколько месяцев я принимал участие в съемках на теплом крымском побережье. А потом

съемки закончились, и мне тоже помахали ручкой: «Понадобитесь – позвоним». Пришлось снова отправиться на поиски...

Пенсию мне назначили немаленькую, однако жизнь в столице имеет одну поганую особенность: здесь чрезвычайно быстро кончаются деньги. Через пару месяцев бестолковых потуг у меня иссякли средства к существованию, и надо было как-то разруливать ситуацию. В общем, настало такое время, когда я был согласен на любую работу: таскать в бывшее бомбоубежище коробки с коньяком, стоять у лотка, разгружать фуры, охранять чужие склады...

Так судьба привела меня в Московский метрострой, где угрюмый начальник отдела кадров пообещал зарплату, вполне сопоставимую с окладом командира подводных диверсантов...

* * *

Итак, покончив с прочими формальностями, я получаю тонкую зеленую книжицу с моей фамилией и паспортными данными.

– Это билет на самолет, принадлежащий нашей компании, – объясняет Ольга Ананьевна, пока интеллигент в очках зарылся в листах своего контракта. – Все ваши данные я сегодня же отправлю в партнерский банк, кредитную карту получите на шахте. Завтра утром вылет из аэропорта «Шереметьево», точное время вылета и номер сектора посадки указаны на второй странице.

– Простите, а где я получу спецодежду?

– Вам нужно просто приехать в аэропорт и найти сектор посадки. У сектора вас встретит представитель нашей компании и обо всем расскажет.

– Что надо с собой иметь из личных вещей?

– Шахта находится в одном из северных районов страны, так что захватите теплую одежду для перелета. Остальное можете не брать – на жилых уровнях шахты расположено несколько магазинов, где есть все необходимое.

– А предметы личной гигиены?

– На первое время можете взять шампунь, полотенце, зубную щетку, бритву... Впрочем, – лицо Баталиной пренебрежительно скривилось, – среди горнорабочих попадаются и такие, которым подобные вещи не нужны. Так что решайте сами...

Сказав это, она вынула из ящика стола какую-то папку, сунула в нее мой контракт и занялась интеллигентом...

* * *

Запятав билет в карман, я покинул кабинет Баталиной, спустился на первый этаж и подошел к автоматическим дверям. И тут, проходя мимо двух охранников, заметил бейдж одного из них – высокого статного брюнета. Крупными буквами на бейджике было выведено: «Анатолий Евграфов».

«Это же тот счастливчик, о котором распиналась Баталина!» – тотчас вспомнился разговор минутной давности.

Остановившись, я спросил:

– Говорят, ты вкалывал на шахте?

Я точно оказался не первым любопытствующим, потому что он нахмурился, выдержал паузу. Но ответил:

– Да, было дело – два года вкалывал.

– И победил в турнире?

– Угу. В самом сложном. Повезло за месяц до окончания контракта.

– И в чем суть турнира?

– Скоро сам все узнаешь, – уклоняется он от ответа.

– А почему работаешь в охране, если урвал хороший приз?

Парень усмехнулся, подвел меня к большому окну и показал на припаркованный внедорожник, блестящий новенькой краской.

– Вот треть моего выигрыша. Остальное ушло на квартиру в Южном Бутово.

– Неплохо, – оценил я приобретения. – И давно ты вернулся с шахты?

– Почти год прошел.

Порадовавшись за парня, я подумал: «Если бы мне подвезло сорвать такой куш – в тот же день свалил бы в маленькую теплую страну на берегу Адриатического моря. Там и жилье дешевле московского, и жизнь спокойнее».

– Собеседование прошел? – спросил охранник.

– Прошел.

– И билет получил?

– Выдали, – похлопал я по карману.

– Ну, будь здоров. Удачи в турнирах, – растянул парень губы в какой-то странной улыбке, то ли завидовал чужому шансу, то ли сомневался в моих способностях.

– И тебе не хворать, – направился я к автоматическим дверям.

* * *

Вечером у меня было стойкое желание отказаться от алкоголя, ведь завтра предстояло лететь к черту на рога и начинать новую жизнь. Однако, вспомнив о Катке, я повременил с кардинальной переменой. Следовало по-человечески попрощаться. Кто знает, когда суждено встретиться вновь.

Я уселся в кресло, набрал ее номер и принялся слушать протяжные гудки...

Мы познакомились за несколько месяцев до моего увольнения из «Фрегата». Той теплой осенью еще ничто не предвещало краха. Она работала то ли редактором, то ли журналисткой на одном из телеканалов в «Останкино» и приехала в составе съемочной группы на загородную базу «Фрегата» – снимать сюжет о нашем отряде.

Каткой для меня она стала позже, а знакомясь с нами, молодая смешливая девушка представилась Катрин Кораблевой. Среднего роста, стройная, с приятной обаятельной мордашкой. Деятельная, энергичная и при этом сохранившая наивную детскую доверчивость.

В числе прочих достоинств я сразу отметил обалденную грудь. Не огромную, а высокую и шикарную.

Хронометраж сюжета был приличным – что-то около пятнадцати минут, и для его съемки тележурналистам потребовалось несколько дней. Мы подружались. А дабы продлить и упрочить знакомство с молодой красоткой, я пошел на хитрость.

Как-то раз я с заместителем Георгием сидел в комнате отдыха и потягивал холодный апельсиновый сок, Кораблева с парочкой коллег пила кофе.

– Знаешь, Катрин, за тобой замечена одна уникальная особенность, – произнес я с абсолютно серьезным видом.

– В смысле? – замерла она с чашечкой в руке.

– Поговаривают, что грудь некоторых женщин обладает способностью понижать артериальное давление.

Кораблева удивленно вскинула брови и непроизвольно глянула сверху вниз на свои прелести.

– Да-да, об этом говорят и пишут все известные кардиологи.

– Что же они говорят и пишут? – с сомнением спросила девушка.

– Будто даже кратковременное пребывание гипертоника вблизи лечебной груди понижает давление как минимум на десять миллиметров ртутного столба.

Коллеги Кораблевой улыбались, Жора едва сдерживал рвавшийся наружу хохот.

А я продолжал расставлять охотничьи силки:

– Так вот у твоей груди определенно есть такая способность – стоит тебе пробежать мимо, как мое давление резко понижается.

– Вы меня разводите, – покрылась румянцем Катрин, еще не понимая, что уже попала в мои силки.

– Развожу?! Жора, тащи тонометр.

Предвкушая нечто неординарное, в комнату отдыха подтянулся народ.

Тонометр показал мои штатные 80 на 120 – как у космонавта. А будучи натренированным пловцом, я давно владел некоторыми приемами терапевтического снижения давления: расслаблением диафрагмы и мышц брюшной полости, несколько глубоких вдохов-выдохов и тому подобное.

Наступила очередь чудодейственных сисек. Катрин для порядка посопротивлялась, но под дружным напором зрителей уступила и подставила левую грудь.

Я прижался к ней щекой, сделал глубокий вдох и... услышал, как затрепетало Каткино сердечко. А под моим ухом явственно набух сосок.

Моя порочная фантазия моментально нарисовала радужные перспективы удачной охоты.

Придя в себя, Кораблева потребовала инструментального подтверждения магической составляющей своих сисек. Тонометр показал 65 на 110. Ахнули все, кроме моих коллег. Понимая суть прикола, они просто ржали.

С тех пор я с относительной регулярностью лечусь Каткиной грудью. А еще коленками. Они у нее тоже красивые...

Голос Катрин я услышал минут через двадцать.

– Привет, Женя, – устало сказала она. – Извини, не могла ответить сразу. Работы по горло.

– Завтра улетаю, – с грустью извещил я. – Неплохо бы увидеться.

– Черт... у меня полный завал. Скоро дают в эфир мой сюжет, через два часа пробный прогон.

– Жаль...

– А ты надолго?

– Подписал годовой контракт. А там как получится.

– Черт, – повторила она. – Женечка, милый, я тоже хочу тебя увидеть. Может, утром?

Мне стало жаль эту хрупкую девчонку. Зная ее тяжелый и нервный график работы, я не стал настаивать на встрече. Поболтав с ней несколько минут и сказав на прощание несколько теплых фраз, от которых, как правило, млеют все женщины, я отключился.

Пора было отдохнуть перед началом новой жизни...

* * *

Следующим утром, отлично выспавшись без кошмарных сновидений, я встал пораньше, постоял под душем, выскоблил лицо бритвой, неспешно позавтракал и собрал в дорогу небольшую сумку, покидав в нее самое необходимое. На дворе было лето, но, следуя совету Ольги Ананьевны, я прихватил теплую одежду в виде шерстяных носков, толстовки и пуховика.

В последний раз окинув взором квартиру, доставшуюся мне за безупречную службу в секретном подразделении ФСБ, я зашнуровал кроссовки, переступил через порог и запер дверь.

Недалеко от подъезда многоэтажки поджидал любимый «швед» – старенький потрепанный автомобиль, успевший набегать по дорогам различных стран более четверти миллиона километров.

– Ну, поехали, прокатимся в последний раз, – забросил я сумку на заднее сиденье.

По правде говоря, я хотел навсегда расстаться с любимой машиной. По-моему, сегодня для этого настал подходящий момент: приехал в аэропорт, оплатил на сутки вперед стояночное место и смылся на год или на два. Что сделает владелец частной стоянки с машиной, если владелец не явился в положенный срок? Правильно: подождет для верности пару-тройку недель, а потом продаст какому-нибудь ценителю раритета за несколько тысяч, дабы окупить собственные расходы. Жаль, конечно, «шведа». Но девать его было некуда.

Однако в коварный план внезапно вмешался случай.

Крутанув ключ в замке зажигания, я не услышал привычного урчания двигателя.

– Странно... Я же не так давно поменял тебе нутро! В чем дело, парень?

Вторая попытка закончилась тем же результатом.

– Ты не хочешь расставаться? – прошептал я, поглаживая руль. – Но, пойми дружище, мне нужно уехать...

Я крутанул ключ в третий раз.

И опять ничего не изменилось. Даже не сработало реле и не заурчал топливный насос.

Между прочим, мой «швед» выглядит облезлым башмаком лишь снаружи, а внутри был оборудован весьма неплохо: комбинированный салон с трансформацией, очень приличный звук с усилителем и двенадцатью колонками, в широком подлокотнике охлаждаемый мини-бар, подсветка во всяких неожиданных местах. Правда, движок весьма преклонного возраста, и до его замены у меня не доходили руки. Иногда он глох, но заводился всегда с первого раза.

Покинув салон, я поднял капот; постоял с минуту, осматривая «кишки» – головку цилиндров, пыльные провода, воздушный фильтр... Все было на месте, все казалось исправным.

Вздохнув, я снова уселся в водительское кресло. И сам того не желая подумал: «Неужели он угадывает мои мысли? Глупости, конечно, но... почему же отказывается ехать именно сегодня?..»

– Приятель, – сказал я вслух, – уверяю тебя: мы еще увидимся.

Я прислушался, словно автомобиль мог ответить.

«Швед» упрямо молчал. Пришлось морщить лоб и чесать затылок...

Оставить автомобиль у подъезда собственного дома и умотать минимум на год мне не позволяло воспитание. По-человечески было жаль машину – искалечат, разобьют, разворуют местные гопники за здорово живешь.

До вылета оставалось не так уж много времени. И тогда я предпринял последнюю попытку, мысленно представляя, как достану из салона сумку, шибану ногой дверку и поплечусь к трассе ловить такси.

Автомобиль не реагировал.

Моя рука потянулась к дверной ручке... И тут меня осенило.

– А ведь это выход! – воскликнул я.

Дядя Паша – мой сосед по лестничной клетке, настоящий герой – кавалер двух орденов Славы, заядлый рыбак и просто замечательный мужик. Ему под девяносто, жена немного моложе; оба часто болеют. А самое главное – у него имеется неподалеку пустующий гараж. Ну как пустующий? Заваленный всевозможным рыбацким хламом, но без машины.

– Подожди, дружище, – покидаю салон. – Кажется, я нашел тебе надежное пристанище.

Забегаю в подъезд, вызываю лифт, поднимаюсь на свой этаж...

До некоторых пор мы с Павлом Петровичем и его женой Верой Степановной только здоровались, встречаясь в подъезде или около дома. А года три назад произошел случай, после которого по-настоящему сдружились. Выехав тогда со двора на «шведе», я повернул в сто-

рону загородной базы «Фрегата» и неожиданно заметил престарелого соседа, сидящего на парапете возле станции метро. Что-то заставило принять вправо и остановиться. Я давненько его не встречал – может, что-то случилось? Старик отрешенно глядел в асфальт. На коленях лежала крышка от картонной коробки, в ней были аккуратно разложены ордена и медали – его награды, кровью заслуженные на войне.

Я присел рядом.

– Здорово, дядя Паш.

Он посмотрел на меня выцветшими глазами. Не узнал.

Потом бледные губы тронула мимолетная улыбка.

– А, это ты, Женя. Здравствуй.

– Ты чего здесь?

– Да вот, – вздохнул он, – решил продать. На кой они мне...

– Как здоровье?

– Мое нормально.

– Веру Степановну давно не видать. Здоровая ли?

– Болеет, – махнул он жилистой рукой. – Две недели не встает. И не знаю, встанет ли...

Голос старика задрожал.

Я забрал с его колен картонную крышку, сложил награды в целлофановый пакет и сунул в карман пиджака Павла Петровича. Тут же выгреб из собственного бумажника все деньги до последней купюры и положил в шершавую ладонь.

– Возьми, дядя Паша. И не продавай свою доблесть людям, которые ее недостойны.

Старик все-таки расплакался. Спрятав деньги, он снова вынул награды, поцеловал их. И прошептал мне вслед:

– Спасибо, сынок...

Примерно через неделю в мою дверь позвонили. Открыв дверь, я увидел пожилых супругов. Выздоровевшая Вера Степановна была в нарядном платье и держала большое блюдо с только что испеченным пирогом. Павел Петрович надел парадный костюм, на пиджаке которого позвякивали ордена и медали. Весь вечер мы пили чай, говорили... С тех пор и стали настоящими друзьями.

Нажимаю кнопку звонка. Дверь открывает сам ветеран.

– Здорово, Женя. Заходи.

– Извини, дядя Паш, спешу. В твоём гараже местечко не найдется?

– Ты же знаешь – он пустой. А что случилось?

В двух словах объясняю ситуацию. Старик ни минуты не раздумывает.

– Ставь, конечно! Неужто я по-соседски не помогу!..

Прихватив ключи, спускаемся во двор, садимся в машину. И о чудо! Упрямец заводится с первой попытки.

Едем в гараж. Движок утробно урчит, авто отлично слушается руля, покрышки весело шуршат по асфальту. А я молчу, оценивая странное поведение «шведа». То ли он на самом деле имел душу, то ли бог услышал мои мольбы...

* * *

Лет тридцать назад я принял крещение в одном из приходов Русской православной церкви, заплатив за «таинство обряда» несколько советских рублей. В обмен мне было обещано многое: благодать божия, опека ангела-хранителя, молитвы святых за меня и моих близких. Все это время я верил в обещанные блага, исправно посещал церковные службы, заказывал требы, покупал всевозможную утварь и книги, щедро жертвовал в ящики различного объема. В год я отдавал церкви не менее месячного заработка, но благодати так и не дождался. Более

того, трижды чуть не погиб, получил несколько ранений, перенес пару серьезных операций, а в довершение лишился профессии... Вера во Всевышний разум у меня оставалась – до сих пор изредка разговариваю с ним, советуюсь, прошу прощения, помощи и сострадания. А вот о посредниках в рясах предпочитаю не вспоминать. Так лучше. И для меня, и для них.

Во всем остальном мне в жизни везло. Я родился и жил до семнадцати лет в Саратове – красивом провинциальном городе на Волге. Я бесплатно получал хорошее образование; верил в справедливость и никого не боялся: ни бандитов, ни педофилов, ни врачей, ни сотрудников милиции. Пока я учился в младших классах средней школы, мама несколько раз в неделю приводила меня в общедоступный бассейн и сдавала тренеру – седовласому добряку Вениамину Васильевичу. С ним тоже сказочно повезло: во-первых, он был заслуженным мастером спорта и чемпионом Европы; а во-вторых, когда я поумнел и окреп, он взял меня с собой на Черное море, где к ластам и маске добавилась диковинная штукавина – акваланг. С той незабываемой поездки морские глубины стали для меня мечтой всей жизни.

Так обычное мальчишеское увлечение, навязанное мамой «для общего развития организма», превратилось в серьезную спортивную карьеру. За пару лет до окончания школы я стал показывать неплохие результаты, побеждал на чемпионатах, выигрывал кубки. И ковал свое будущее.

Глава третья

Российская Федерация, Москва – архипелаг Земля Франца-Иосифа. Наше время

Путь до укромного местечка, где находится гараж, занимает не более трех минут.

Дядя Паша распахивает ворота, я помогаю прибраться и освободить пространство для немаленького автомобиля. В основном гаражное нутро занято рыболовными причиндалами, но попадается и бытовой хлам: радиаторы отопления, трубы, старые оконные рамы, доски, слесарные и плотницкие инструменты...

Заталкивая на нижнюю полку самодельных стеллажей одну из труб, я натыкаюсь на знакомый ящик. Приоткрываю крышку, заглядываю внутрь...

Так и есть! В ящике лежат динамитные шашки, которые я когда-то привез по просьбе соседа со склада «Фрегата». Иногда, помимо законных способов рыбалки, Павел Петрович баловался и таким образом.

– Дядя Паша, ты же обещал их использовать!

– Ты про шашки? Совсем я о них позабыл. Да и рыбачить уж здоровье не позволяет.

– Тогда избавься от них, пока менты не нагрянули.

– Кто ж в этот закуток нагрянет? – смеется он. – Да и что мне сделают – девяностолетнему старику! А про тебя я ничего скажу. Слово ветерана!

– Верю. И все-таки избавься от греха.

– Куда ж я их дену? Не выбрасывать же!

– Нет, выбрасывать нельзя. Самый простой вариант: осторожно раскрошить и смыть в унитаз.

– Ладно, Женя, покрошу...

Освободив центральную часть гаража, я загнал «шведа» внутрь, открыл капот, отсоединил от аккумулятора клеммы.

Затем закинул на плечо тяжелую сумку, тепло попрощался со стариком и зашагал к трассе...

* * *

К нужному сектору я успел вовремя.

На ближних подступах к стойке уже болталось несколько человек. Окинув народец взглядом, я быстро определил, кто есть кто.

Простоватые мужички в дешевой одежке являлись моими будущими коллегами. Это было понятно по натруженным рукам, по смуглым лицам с въевшейся угольной пылью, по теплым курткам, брошенным поверх дорожных сумок.

С иголки одетый в летнюю форму пилот о чем-то трепался с дежурной – дамочкой средних лет в малиновой пилотке с кокардой в виде крылышек.

Рядом с пилотом скучал тридцатилетний парень в добротном темном костюмчике. На груди поблескивал бейдж с логотипом компании, сотрудником которой со вчерашнего дня стал и я.

– Доброе утро, – протянул я представителю билет. – Надеюсь, не опоздал?

– Нет, – полистал он проездной документ и обыденно приказал: – Давайте паспорт.

Я послушно отдал бордовую книжицу.

– Ждите. Посадка минут через десять, – распорядился он.

Отойдя в сторонку, я поставил на пол сумку и принялся рассматривать попутчиков...
Всего их было пятеро.

Помимо четверых работяг, неподалеку торчал и пятый, в котором я признал вчерашнего доктора. Он стоял особняком и читал книгу карманного формата. «Да, парень, трудно тебе придется на шахте, – подумал, оглядывая шуплую фигуру. – Лучше бы ты устроился бухгалтером или психологом, если таковые имеются в штате».

Осторожно посмотрев на свои ладони, я усмехнулся. Они тоже никогда не держали отбойного молотка. Нож, специальный двухсредный автомат, тяжелый подводный фонарь и прочая амуниция – все, что угодно, но не грубый инструмент для отвала и размельчения горной породы.

– Если не ошибаюсь, вы никогда не работали на шахте? – услышал я чей-то голос.

Рядом стоял очкарик и преданно взирал на меня снизу вверх бирюзовыми глазами, изрядно увеличенными оптикой очков.

– Вы очень проницательны, – буркнул я. И заметил, как дежурная подняла трубку телефона.

– Моя фамилия Чубаров. Андрей Викторович Чубаров, – представился интеллигент.

В этот момент дежурная положила трубку и объявила:

– Проходим на посадку. Не задерживаемся – экипаж ждет.

Я подхватил сумку и поспешил за работягами. Сзади семенил Андрей Викторович. Одной рукой он придерживал за ремешок висевшую на плече огромную сумку, другой рукой размахивал в такт коротким шагам.

– Позвольте узнать ваше имя? – продолжал он донимать вопросами.

– Евгений Арнольдович.

– А можно просто Евгением?

– Нет. Так меня называют только старые надежные друзья.

– Понял. Евгений Арнольдович, я могу сесть в самолете рядом с вами?

– Можешь. Если закроешь рот и будешь читать книгу.

– Ладно. Эту книгу мне подарила жена. Она совсем неинтересная, но я обещал прочитать...
Я поморщился.

– Как же тебя жена на шахту отпустила? Ты же небось тяжелее авторучки ничего не поднимал.

Вероятно, вопрос задел больной нерв, потому что очкарик надул губы и несколько секунд молчал. Потом протяжно вздохнул и признался:

– Вы правы. Я вообще-то по образованию врач.

– Это я понял еще вчера. Зачем же ты завербовался на шахту? Вам вроде бояре из Кремля зарплату прибавили.

– Кому прибавили, а про кого и забыли! – всплеснул он свободной рукой. И отчего-то повеселев, выдал: – Если мы станем друзьями, я расскажу, что меня заставило совершить этот поступок.

«Вот повезло-то!» – перешагнул я порожек изогнутого тоннеля, дальний край которого заканчивался входом в салон самолета.

* * *

Большинство моих товарищей, с кем довелось служить во «Фрегате», были женаты, у многих из них подрастали дети. Кому-то из мужиков с женами повезло, но таких было катастрофически мало; кто-то вздыхал и терпел узы Гименея из-за тех же детей; а некоторых откры-

венно приходилось жалеть. С хорошей-то женой хоть куда: хоть в космос, хоть штурмовать Эверест. А с плохой выше унитаза не прыгнешь.

Я тоже состоял некоторое время в гражданском браке, и этого опыта мне хватило на всю оставшуюся жизнь. Теперь в ведьмах разбираюсь лучше святой инквизиции ну и, конечно же, остаюсь убежденным холостяком. За много лет одиночества и свободы я избаловался обществом молодых красивых женщин. Привык, как те рыбы, которых генетическая память ведет на нерест в одно и то же место.

Пассажирский салон самолета был небольшим – всего на полтора десятка кресел, заднюю часть фюзеляжа занимал большой грузовой отсек, доверху набитый ящиками, мешками и коробками. К моменту нашей посадки погрузка завершилась – крепкие ребята в одинаковых спецовках ждали, пока сопровождающий сверит количество груза с накладной и задернет темно-зеленую шторку.

Забросив сумку под сиденье, я устроился у окна. Андрей Викторович исполнил свое обещание и сел рядом. По проходу между кресел, перебирая паспорта и билеты, медленно шел представитель компании, встречавший нас у сектора.

– Пархоменко Иван Степанович? – остановился он около пожилого работяги.

– Угу, Пархоменко, – прогудел тот.

– Дятлов?

– Я, – ответил сидящий с ним мужик лет сорока пяти.

– Галанин?

Третий мужик кивнул, а представитель обратился к самому молодому:

– А ты – Калужный Антон Алексеевич?

– Вроде я, – отозвался тот.

– Что значит «вроде»?

– Он это. Он, – пробасил старший по возрасту. – Шутник он у нас.

Смерив шутника презрительным взглядом, представитель шагнул к нашему ряду кресел.

– Черенков Евгений Арнольдович? – поинтересовался он.

– Да, это я.

– А ты у нас, значит...

– Чубаров, – подсказал мой сосед. – Андрей Викторович.

Представитель направился дальше, но я забеспокоился:

– А паспорт?

– Ваши документы я передам руководству шахты, – ответил он и обратился к нам с короткой речью: – В целях безопасности полета прошу представить багаж для досмотра.

Пассажиры завозились, расстегивая замки сумок...

Молодой мужчина с бейджем на груди снова двинулся по проходу, рассматривая содержимое багажа. Иногда он останавливался и требовал вынуть нечто подозрительное или открыть «молнию» дополнительного отделения. Ко мне вопросов не возникло. Из провизии в моей сумке поверх вещей лежала только шоколадка. У Чубарова тоже не оказалось запрещенных к провозу предметов. Зато у одного из работяг была изъята бутылка водки.

– Забудьте о спиртном, – строго сказал представитель, приподняв над спинками кресел изъятое. И обратился ко всем новоиспеченным шахтерам: – С сегодняшнего дня вы являетесь сотрудниками компании «Стратегия-Рен». А это означает, что каждый из вас обязан четко соблюдать наши внутренние правила. В противном случае вас уволят и заставят оплатить большой штраф.

– Насколько большой? – спросил кто-то из работяг.

– Несколько тысяч долларов.

– А сотовые телефоны провезти разрешается?

– Разрешается. Только вам они не понадобятся, на шахте нет приемо-передатчиков сотовых операторов...

Закончив досмотр, он вернулся к передней дверце и произнес заключительное напутствие:

– Лететь предстоит более трех часов; на шахте всех вас ждет тяжелая работа, так что советую использовать время полета для сна и отдыха.

Грохнул люк входной двери, завывла турбина одного двигателя, второго. Вскоре самолет качнуло, и он весело покатился по рулежной дорожке...

Устроив затылок на подголовнике, я пытался задремать. Минут двадцать назад самолет оторвался от взлетной полосы и, набирая высоту, взял курс на северо-восток. Никто из сотрудников компании не обмолвился о месте дислокации шахты, однако направление полета я легко определил по положению солнца. Как ни крути, а на «конторских» воздушных судах мне пришлось налетать не одну сотню часов.

Изо всех сил стараюсь последовать совету представителя компании и отключиться хотя бы на пару часов. Но сзади не смолкает галдеж работаг и доносится запах ядерного самогона, бутылку которого они все-таки умудрились утаить при досмотре. К тому же справа то и дело бубнит новый приятель по фамилии Чубаров, решивший, по-видимому, рассказать всю биографию от младшей группы детского сада до вчерашнего дня.

– ...После школы я мечтал поступить на биофак МГУ и посвятить свою жизнь изучению животных. Но так уж вышло, что оказался в Первом медицинском. Легко сдал экзамены, прошел по конкурсу... На всех шести курсах не ботанил, не зубрил – учился на совесть и в итоге стал обычным врачом, каких в Москве тысячи. Хотя мечта работать с животными сбылась. Да-да, сбылась. Вы не представляете, Евгений Арнольдович, с каким контингентом порой приходилось сталкиваться...

Представляю. Мне тоже не приходилось выбирать, с кем работать во «Фрегате». Кого начальство присылало, тех и делал боевыми пловцами. За некоторым, правда, исключением. Попадались иногда такие «экземпляры», что вспоминать не хочется.

– ...Абрамович зарабатывает в день больше, чем я за три месяца, а налоговая почему-то ходит ко мне, – продолжает вещать известные истины Андрей Викторович. – Даже не знаю... может, у них проблемы с мелочью?..

Это тоже прописная истина. Российское правительство давно усвоило, что легче всего отбирать деньги у бедных. У бедных денег немного, зато самих бедных до хрена.

– ...Ведь самая распространенная на свете иллюзия, будто кому-то до кого-то есть дело. Вот я и решил пощекотать нервы в своем паху – пошел в компанию «Стратегия-Рен» и нанялся шахтером...

В какой-то момент мне захотелось его контузить. К тому же мой желудок беспрестанно шлет в мозг нервные матюги, но кормить нас, похоже, не собираются. Я бы заснул на пару часов, а недоделанный врач достает откровениями.

Не открывая глаз, ворчу:

– Судя по твоему образованию и внешнему виду, логичнее было бы устроиться врачом. Или бухгалтером.

– А вы не смотрите, что я хлипкий. Внешний вид и первые впечатления о человеке, как правило, бывают обманчивы. Я, между прочим, десять лет занимался парусным спортом и имею первый разряд по пулевой стрельбе.

– Похвально, – едва сдерживаю смех. – Только я не слышал, что в шахтах плавают под парусом и стреляют из пистолетов.

Обдумывая замечание, сосед умолкает. А я наконец проваливаюсь в неглубокий сон...

* * *

К моменту окончания средней школы я стал двукратным чемпионом России среди юниоров по подводному плаванию. Скорее всего, на этих соревнованиях меня и заметили ребята из засекреченных спецслужб. За три месяца до выпускного вечера я получил вежливое приглашение в Управление КГБ. В душевной беседе мне предложили зачисление без вступительных экзаменов в Питерское высшее военно-морское училище.

Помню, тогда я задал единственный вопрос:

- А к подводному плаванию моя будущая служба имеет отношение?
- Только к ней и имеет, – заверил дядька в штатском костюме.

Дав согласие, я примерил курсантскую форму и в течение двух лет постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем лихорадило от реформ и бесконечных переименований. Как только не называли нашу «контору» – КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов первые лица государства наконец-то определились – правопреемницей ФСК стала Федеральная служба безопасности.

Минули еще два года напряженной, но крайне интересной учебы. Сдав последние экзамены, я получил диплом, лейтенантские погоны и направление в недавно созданный отряд боевых пловцов «Фрегат-22».

* * *

- Евгений Арнольдович, проснитесь! – толкал меня кто-то в бок.

Открыв глаза и потратив несколько секунд на восстановление хронологии событий последних суток, я увидел встревоженное лицо нового знакомого.

- Кажется, мы подлетаем к месту работы, – кивает он на иллюминатор.

Прищурившись от яркого света, я смотрю сквозь стекло...

Внизу и слева просматриваются очертания большого острова.

- Мы долго летели над морем, а теперь под нами суша, – встревоженно поясняет сосед.

- Ты ждешь, чтобы я объявил дислокацию шахты?

- Хотелось бы знать. Для общего развития...

- Не думаю, что от этого станет легче.

Однако моя аргументация не поборолa человеческого любопытства. Чубаров глядит на меня и едва не поскуливает от желания узнать истину.

Поясняю:

– Это архипелаг Земля Франца-Иосифа. А конкретно – остров Земля Александры, где находится единственный жилой городок и единственная взлетно-посадочная полоса.

- Вы изучали географию или бывали здесь? – уважительно шепчет врач.

Сделав вид, будто не расслышал вопроса, я гляжу в иллюминатор...

На самом деле мне приходилось бывать на этом архипелаге – раза три или четыре – точно не помню. Не на всех островах, конечно, а на самых крупных. Каждый раз судьба заносила меня сюда по служебным делам, и каждый раз я тихо обалдевал от ужасающих климатических условий. Кстати, между собой мы называли это место «Острова стоячих херов». Почему? Все просто: когда подходишь к архипелагу на судне, то некоторые клочки суши издали представляются именно таким странным образом.

Меж тем наш самолет снижался и маневрировал перед посадкой.

«Все верно, – заметил я далеко впереди домики самой северной пограничной заставы, – мы садимся на острове Земля Александры...»

Глава четвертая

Российская Федерация, архипелаг Земля Франца-Иосифа, остров Солсбери... Шахта. День первый

Архипелаг встречает типичной арктической погодой: пронзительным холодным ветром и температурой чуть выше нуля градусов. Правда, облачности на небе почти нет – глаза слепит низко висящее над горизонтом солнце.

Пробежав по неровной взлетно-посадочной полосе, наш самолет останавливается у приземистого ангара – между небольшим вертолетом и топливной бочкой, окрашенной в желтый цвет. Чуть поодаль застыла пара вертолетов «Ми-8», принадлежавших пограничникам с заставы «Нагурское».

На летном поле нас ждут четверо мужчин в одинаковой утепленной одежде синего цвета. Старшему – лет сорок, а младшему – худосочному мальчишке с выбившимся из-под капюшона светлым чубом – лет шестнадцать, не больше. «Каким ветром его сюда занесло? – с удивлением взираю на мальчика. – Он же несовершеннолетний. Или здесь не действуют законы Российской Федерации?..» Это было одно из немногих неприятных открытий, которые мне предстояло совершить на новом поприще. Дальше ждали куда более сильные впечатления, но пока я о них не догадывался...

У каждого местного работяги на спине красуется логотип компании «Стратегия-Рен». Над крышей ангара трепещет флаг с таким же знаком...

Наличие везде и всюду логотипа с названием компании начинало потихоньку раздражать. Он был нанесен на борта воздушных судов, на одежду сотрудников, на флаги, на бочку с керосином и на каждую транспортировочную тару, привезенную самолетом на архипелаг с Большой земли. Он «украшал» салон самолета и даже в туалете маячил перед глазами во время справления естественной нужды.

Старшим среди встречающих был здоровенный бородач ростом под два двадцать. Семь пядей во лбу, косая сажень в плечах, глаз-алмаз. В общем, тот еще урод.

– Так, не стоим, не глазеем! – басит он, узрев нашу компанию. – Взяли из самолета по ящику, отнесли на склад и быстро вернулись за следующим!

– Началось, – недовольно ворчит кто-то из молодых шахтеров.

Другой вторит:

– Чего торопиться – нам копытных не платят. И мы, между прочим, шахтеры, а не грузчики!..

– Кто это сказал? – грозно спрашивает бородач.

– Ну, я, – без задней мысли признается Антон Калужный – молодой паренек из нашей группы.

И тут же падает на снег, сбитый ударом увесистого кулака.

– У меня прогулов больше, чем у тебя стажа, ежик! – рычит бородачатый мужик.

Мои ладони невольно сжимаются в кулаки, я подаюсь вперед, но кто-то вцепляется в рукав моей куртки. Оглянувшись, вижу перекошенное от страха лицо врача.

– Не надо, Евгений Арнольдович! – выдыхает он пар изо рта. – У них здесь свои законы!..

Чубаров прав: не стоит начинать новую жизнь с проблем. Кто знает, сколько их ждет впереди...

Скрипнув зубами, я помогаю парню подняться.

– Кто еще недоволен нашими порядками?!

Таковых не оказалось, и мы дружно возвращаемся в самолетное нутро...

Ящиков в грузовом отсеке много, и разгрузка длится минут сорок. В процессе работы мы знакомимся меж собой. Старшего по возрасту шахтера остальные уважительно величают Степанычем. Его закадычного дружка Дятлова зовут Серегой. К Галанину почему-то обращаются Гоша. Ну, а самого молодого окликали Антохой. От «гостеприимной» встречи в Заполярье у него заплаыл левый глаз и основательно испортилось настроение.

Вместе с местными грузчиками мы таскаем ящики в алюминиевый ангар с прилепленной к торцу деревянной жилой пристройкой. Все работают сосредоточенно, без обычных шуток. Бородатый детина стоит в сторонке рядом с прилетевшим представителем компании и следит за нашей работой...

Внутри ангара высятся стеллажи с невероятным количеством продуктов, одежды, обуви, инструментов. «Не иначе готовятся к концу света!» – подумалось мне, когда я впервые переступил порог склада.

В конце разгрузки происходит еще одно неприятное событие. Юноша с выбившимся из капюшона чубом светлых волос роняет коробку с консервами. Банки рассыпаются по заснеженной тропинке, и он бросается их собирать. Бородатый надсмотрщик тут же оказывается рядом, с грозным рыком набрасываясь на мальчика. Сбив его с ног, он несколько раз прикладывает ногой к его тщедушному телу, приговаривая: «И что ты за урод криворукий?!» Потом поворачивается и уходит считать прибывший провиант...

Я оказываюсь ближе всех. Поставив свой ящик на снег, помогаю хлюпающему мальчишке. Потом достаю из кармана шоколадку и сую ему за пазуху.

– Держи. Побалуешься с чайком, когда будет время.

– Спасибо.

– Тебя как звать-то?

– Васька.

– Василий, значит. А меня – Евгений Арнольдович. Можно просто дядя Женя.

Он утер слезы и попытался улыбнуться.

Покончив с разгрузкой, мы подошли к представителю.

– Идите к вертолету! – распорядился он. – Скоро вылет...

* * *

Возле вертолета копошился техник. Машина была не российского производства, иначе я без труда определил бы марку. Небольшой салон, рассчитанный на семь-восемь пассажиров, был наполовину заполнен все теми же коробками, ящиками и мешками.

Пошмыгав синими носами, мы кое-как разместились. Вскоре пилоты заняли свои места, представитель с комфортом устроился на единственном свободном сиденье грузовой кабины. Загудел стартер, и лопасти винта медленно поползли по кругу...

Взмыв над островом Земля Александры, «вертушка» повернула на восток.

Шахтеры тихо переговаривались: Степаныч с Серегой вспоминали работу на шахте под Норильском, где условия тоже были не из лучших. Гоша в основном слушал, Антоха потирал синяк и молчал. Чубаров сидел рядом со мной и клевал носом – видно, устал и наговорился в самолете. Я же посматривал сквозь иллюминаторы на островки, мысы и фьорды...

«Справа Земля Георга – крупнейший остров архипелага, длиной более ста километров, – узнаю знакомые очертания. – Слева сравнительно мелкий остров Артура. Оба необитаемы и практически непригодны для жизни...»

Постепенно покрытые льдом берега остаются позади, теперь под вертолетом неприветливо чернеет ледяная вода одного из широких проливов. Напрягаю память: «Если пилоты не изменят курса, то, миновав пролив, мы выскочим на северную оконечность острова Луиджи. Выходит, шахта находится там?..»

Некоторое время я пытаюсь припомнить, что представляет собой этот остров. Не получается. Либо корабли, на которых я посещал архипелаг, проходили вдали от него, либо я вообще не видел данного клочка суши.

Наконец мы пересекаем водную гладь пролива, и я вижу заснеженный краешек острова. Однако пилоты вовсе не помышляют об изменении высоты полета.

«Значит, конечный пункт маршрута дальше. И где же находится ваша долбаная шахта?..»

Вертолет начал снижаться, едва мы проскочили северный мыс острова Луиджи. Через узкий пролив виднелась береговая черта следующего острова.

«Как же он называется? – ломаю голову, мысленно представляя карту архипелага. – Какое-то английское название... Довольно короткое и благозвучное... Фамилия американца или англичанина... Вспомнил! Солсбери! Остров Солсбери».

Выглядывая в окно, оцениваю его размеры. Это был приличный по площади остров, вытянутый с северо-запада на юго-восток километров на шестьдесят.

«А вот здесь действительно можно разместить шахту. А при желании построить город с международным аэропортом. И территория – будь здоров, и южная оконечность полностью свободна ото льда».

Спустя пару минут вертолет выполняет крутой разворот и, резко снижаясь, заходит для посадки на заснеженный купол в северной части острова. Как я ни стараюсь увидеть место предстоящей посадки – ничего не выходит. Вокруг сплошной лед, покрытый снегом.

Озаботились и сидящие рядом работяги.

– Что-то я не пойму, – ерзает на сиденье Степаныч. – Шахтного копра не видать. Ни «железки», ни вагонов, ни дорог.

– Да, странная шахта, – вторит Серега. – Никогда такой не видывал...

* * *

– Куда это мы? – испуганно вертит головой Антоха.

Я не разбирался в шахтах, никогда не бывал даже рядом и понятия не имел, как она может выглядеть сверху. Но, признаться, тоже оторопел, когда вертолет завис над металлическим ангаром и неожиданно начал снижаться прямо на его крышу. Я невольно посмотрел на представителя, но тот спокойно застегивал «молнию» куртки и ни о чем не переживал. Значит, и нам не следовало беспокоиться.

Суть маневра стала ясна, когда по обе стороны «вертушки» поднялись края раздвинутой крыши.

«Интересное решение, – оценил я гениальность местных инженеров и конструкторов. – Стало быть, площадку никогда не заметает снегом и никогда не покрывает льдом».

Качнувшись, вертолет нащупал полозьями опору, уселся на бетон и сбавил обороты винта. После нескольких утомительных часов мы прибыли на место будущей работы.

– Как самочувствие? – пихаю в бок Чубарова.

– Нормально. Только немного не по себе.

– Чего так?

– Я всегда побаивался резких изменений в жизни. А сегодня произошел слишком крутой поворот...

Да, тут с бывшим врачом не поспоришь. Мне тоже неуютно – ведь всю сознательную жизнь я провел в одном коллективе, постоянно занимаясь одним и тем же делом. Причем любимым. Теперь судьба закинула на край земли, где предстоит начинать сначала.

Турбины умолкли, лопасти остановились, пилоты покинули кабину. Засобирались и мы, тем более что к вертолету подошел техник и сдвинул грузовую дверь, недвусмысленно предлагая покинуть теплое нутро воздушного судна.

Первым из грузовой кабины выскочил представитель.

– Куда нам, приятель? – закидываю на плечо сумку.

– Идите за мной к доту. Сейчас за вами придут...

Бетонная хреновина, на которую он указал, и впрямь походила на долговременную огневую точку. Разве что вместо узких амбразур в его боку зиял широкий проем, закрытый раздвижными дверями.

Сбившись в кучку, мы двинулись прочь от вертолета. И в тот же миг крыша ангара пришла в движение, наполнив внутреннее пространство гулом и дребезгом тонкого металла.

Мои попутчики непроизвольно замедлили шаг, пугливо завертели головами.

Когда сдвижная часть крыши воссоединилась с неподвижным торцом ангара и окончательно скрыла прозрачное синее небо, внутри загорелось искусственное освещение, и наступила тишина. Лишь от вертолета доносились слабые звуки, где техник открывал капоты и осматривал двигатель.

– Вот и захлопнулась за нами дверца, – пошутил Степаныч.

Бывший врач негромко добавил:

– И вправду, словно в клетку попали...

Я улыбнулся сравнению, не предполагая, что очень скоро вспомню о нем и удивлюсь прозорливости нового приятеля. А пока я топал к «доту», на ходу рассматривая содержимое ангара...

Пространство под ребристой крышей выглядело пустоватым. В центре – квадратная бетонная площадка, на которой стояла «вертушка»; в десятке метров от нее рядок металлических контейнеров – неизменных спутников любой авиационной техники. В них технари держат инструменты, запчасти, контрольную проволоку, емкости с маслом, ветошь, инвентарь для помывки фюзеляжей и прочую мелочь. Самым большим сооружением под крышей был бетонный «дот». Рядом с ним стояли два снегохода, двое больших саней (и на кой они здесь?) и деревянный ящик с уборочным инструментом – лопатами, скребками, метлами. За «дотом» высились какие-то трубы и металлические коробки – вероятно, выход шахтных вентиляционных систем. И пара сооружений, в которых натужно гудели дизель-генераторы.

Мы подошли к проему с раздвижными дверями. Шахтеры, с любопытством изучая двери, опять гадали: лестница или лифт?..

Конечно, лифт. Станет руководство компании утруждать себя хождением по бесконечным лестничным маршам! Они же, безусловно, сюда навевываются хотя бы для проверок и ревизий.

Гоша прикладывает ухо к дверцам и торжественно объявляет:

– Лифт! Точно лифт! Сюда едет...

Едва он успевает отскочить в сторону, как дверцы бесшумно разъезжаются. В довольно вместительной кабине поднялось несколько человек: четверо в утепленной одежде ярко-оранжевого цвета, и четверо в черной униформе при оружии и прочей военной амуниции.

«Ого! – удивленно рассматриваю боевые «калаши». – Неужели эта шахта – режимный объект? Но об этом в контракте не сказано ни слова...»

Один из вооруженных парней с сержантским шевроном на рукаве приказывает мужикам в оранжевой спецовке:

– Тащите продукты к лифту.

Компания грузчиков проходит мимо, оттесняя нас в сторону; за ними увязалась парочка вооруженных типов.

– А вы, – кивает старший в нашу сторону, – следуйте за мной...

Он возвращается в кабину лифта, за ним увязывается представитель. Мы дружно вваливаемся в глухое квадратное помещение.

Сержант нажимает клавишу на длинном пульте, дверцы закрываются, кабинка плавно трогается и, набирая скорость, уносит нас вниз...

* * *

Новенькая лифтовая кабина имела современную отделку из зеркал и нержавеющей стали и перемещалась почти бесшумно.

«Интересно, сколько здесь этажей? – рассматривал я щиток с двумя рядами клавиш. А в это время в верхней части пульта на маленьком темном экране загорались номера уровней, которые мы проезжали.

Странно, но выходило всего три. «Что же это за шахта, глубиной всего в три горизонта? – удивлялся я. – Может быть, между ними по сотне метров?..» И тут я заметил мелкие надписи напротив каждой кнопки. Незаметно придвинувшись ближе, принялся читать...

Первый уровень назывался «Жилой-VIP», возле кнопки второго уровня значилось: «Лаборатория», третий именовался «Офис».

Кабинка притормозила, а на экране замерла цифра «3».

«Приехали, – сопроводил я вздохом открытие дверей. – Вперед, к очередным сюрпризам!»

Следующим сюрпризом стал просторный и прилично обустроенный холл, в котором мы оказались, покинув лифт.

– Ого! Прямо настоящий офис, – удивленно оглядывался по сторонам Чубаров.

Помещение и впрямь напоминало московский офис компании «Стратегия-Рен»; усиливали это впечатление опостылевшие логотипы, пестреющие на каждом углу.

Однако имелось и разительное отличие от обычного офиса, и этим отличием был пост усиленной охраны. Справа от лифтовых дверей располагалось застекленное помещение наподобие дежурной полицейской части, в котором заседали перед мониторами с десятком охранников в черной одежде. Там я успел разглядеть и пирамиду с оружием, и шкафы со спецсредствами.

У лифта полицейский сержант передал нас парню с офицерским шевроном.

– Следуйте за мной, – приказал тот, направляясь к одному из коридоров.

Мы послушно идем следом...

Интерьер коридора был выполнен в том же стиле, что и холл: строгие серо-белые тона, обилие света и ослепительная чистота, заставляющая усомниться в том, что мы находимся под землей. В коридоре мелькали люди, одетые в одинаковую белую форму. Женщин было мало, в основном встречались мужчины.

У пятой или шестой двери по левой стороне офицер остановился. На двери красовалась хромированная табличка с надписью «Исполнительный директор Гаврилов Анатолий Вадимович».

Офицер робко постучал и толкнул дверь.

– Проходите, – пропустил он нас вовнутрь кабинета.

Первым опять прошмыгнул представитель компании. Мы по очереди вторглись в небольшое квадратное помещение. Офицер вошел в кабинет последним и подобострастно замер возле двери.

У дальней стены стоял единственный рабочий стол, за которым восседал дядечка, явно заставший языческих богов при их жизни. Его плюгавость, тщедушие и возраст удивительным образом сочетались с белыми одеждами – увидев его, мне почему-то показалось, что мужичок собрался на небеса.

– Здравствуйте, Анатолий Вадимович, – заискивающе поклонился представитель. Положив на стол стопку наших документов и конверт с логотипом известного банка, он виновато промямлил: – Шесть человек.

Поправив полу расстегнутой белой куртки, тот оторвал взгляд от компьютерного монитора, мельком осмотрел нас.

И строго спросил представителя:

– Почему так мало?

– Извините. К следующему рейсу надеемся набрать человек десять, – оправдывался тот. «Архангел» полистал один из паспортов, небрежно закинул всю стопку в ящик стола.

Раскрыв конверт, вынул шесть пластиковых кредитных карт и бросил на стол.

– Разбирайте.

Каждый из нас отыскал свою и запрятал в карман.

– Первое зачисление на банковский счет будет через неделю, – процедил директор. И кивнул офицеру: – Пригласи сюда коменданта.

Офицер охраны бесшумно исчез за дверью.

– Садиться не предлагаю, – проскрипел хозяин кабинета. – Сейчас познакомитесь с комендантом. Он поможет разместиться и расскажет, чем вы будете заниматься.

Сказав это, он снова уставился в монитор, мы же остались неловко топтаться у двери...

Пока события развивались вполне сносно и объяснимо. Нас встретили без оркестра, но и откровенного презрения не выказывали. Все происходило буднично, спокойно, не считая конфликта у трапа самолета на острове Земля Александры. «Да, тут людям приходится вкалывать, – отмечаю про себя. – Но, вероятно, ветеранам за работу неплохо платят. Да и строгость, как известно, – мать порядка...»

Через пару минут в кабинет походкой беременного кенгуру входит огромный пожилой мужик в форме темно-зеленого цвета и в такой же темно-зеленой каске. Если бы актер Борис Андреев ныне здравствовал, то я подумал бы, что это он. Ну, просто вылитый, даже голос похож.

– Вызывали, Анатолий Вадимович? – протрубил он густым басом.

Исполнительный директор снова оторвал взгляд от монитора.

– Да, Осип Архипович. К нам прибыло пополнение в составе шести человек. Займитесь их размещением, объясните, что и как. Первые пять дней они в вашем распоряжении. Преподайте им курс молодого шахтера...

– Берите шмотки и следуйте за мной, – сказал тот, покидая кабинет.

Мы поспешили за ним...

Глава пятая

Российская Федерация, архипелаг Земля Франца-Иосифа, остров Солсбери. Шахта. День первый

Для начала комендант повез нас на жилой уровень. Чтобы попасть в него, требовалось снова спускаться на лифте, и здесь меня ждало очередное открытие. Оказалось, что в холле, кроме парадного лифта, на котором мы приехали с поверхности, расположено еще несколько рабочих. Для них бело-серый холл являлся верхним этажом. Мы вошли в одну из кабин – огромную, человек на двадцать, и довольно грязную. На щитке управления я насчитал более тридцати кнопок.

«Вот теперь похоже на шахту, – угрюмо осматриваю убогое нутро клетки. – Вероятно, этим транспортным средством и пользуются шахтеры, отправляясь на смену и возвращаясь обратно».

– Что-то я не заметил здесь барбоса, – ворчит Степаныч.

– А его тут и нет, – громогласно смеется комендант. – Все автоматизировано и работает вполне надежно.

Наклоняюсь к стоящему рядом Сереге.

– Серега, что такое «барбос»?

– Лестничное отделение ствола, – шепчет он. – Строится на случай поломки лифтов.

Мы спустились еще на несколько уровней вниз.

Жилой уровень встретил аншлагом, прикрепленным на стену против лифтов. «Уровень № 7. Жилой 3-й» – было написано черными буквами на его светлом фоне. Из лифтового холла комендант повернул в длинный коридор...

На седьмом «этаже» вместо лоска и чистоты царила простота, граничащая с убожеством соцреализма. Пол из цементной стяжки, отштукатуренные и покрашенные масляной краской стены, потолок из бетонных плит с матовыми осветительными плафонами, стыренными из подмосковного бомбоубежища. А еще тут было холодновато. Что, впрочем, нас не сильно расстроило – после ледяного ветра на поверхности здешняя температура казалась комфортной.

Кстати, и на рабочем уровне первыми нас встретили вооруженные охранники. Несколько «шкафов» с автоматами, в шлемах, в кирасах и защитных щитках расхаживали по здешнему холлу и подозрительно осматривали каждого, выходящего из лифта.

Вместо застекленной «дежурной части» здесь имелось обычное помещение с дверью и длинным окном. Внутри толкалось не менее десятка бойцов, как две капли воды похожих на омовцев в «Лужниках» перед матчем «Спартак» – «ЦСКА». Все – и одежда, и амуниция – было исключительно черного цвета. Такие же бычары патрулировали небольшими группами коридоры и холлы-бытовки. Они даже заглядывали в жилые комнаты, если оттуда доносился шум или громкие разговоры.

– Двое сюда, – толкнув одну из дверей, объявил комендант. Степаныч с Серегой исчезли за указанной дверью, а комендант крикнул им вслед: – Через пять минут жду в бытовке в конце коридора!

Группа двинулась дальше...

– Я с вами, Евгений Арнольдович! – истерично зашептал бывший врач. – Можно я с вами?!

– Можно, – соглашаюсь, чтобы не слушать его нытье. В конце концов, его общество устраивало меня несколько больше, чем компания насквозь пропитых мужиков.

– Один сюда, – командует Осип Архипович, пнув следующую дверь. – А один – в комнату напротив.

В этих апартаментах устроились Гоша и Антоха. Мы двинулись дальше...

Размещение происходило столь быстро, что я не успевал заглянуть ни в одну из комнатушек. Правда, об их содержимом красноречиво говорил здешний запах. Он шибанул в нос еще возле лифта и преследовал по всей длине коридора. Это был коктейль из зловоний от немых человеческих тел, от запаха испражнений из туалетных комнат, от «ароматов» пропотевшей одежды и пропавших остатков пищи.

– Вам достается эта конура, – распаивает комендант дверь одной из последних комнат. – Бросайте сумки, и в холл...

Жилое помещение имело квадратную форму, низкий потолок и очень маленькую для шестерых постояльцев площадь – не более двенадцати квадратных метров. У дальней стены стояли три двухъярусные кровати, между ними были втиснуты тумбочки. Пространство слева от двери занимали вешалка и платяной шкаф, справа – стол и шкафчик для столовой утвари. Ни умывальника, ни тем более туалета.

Комнатка пустовала – вероятно, ее обитатели в данный момент работали в шахте.

– Где же наши места? – потерянно спросил Андрей Викторович.

– Неужели сам не видишь?

На четырех кроватях имелось сероватое постельное белье, на двух оно отсутствовало, а матрацы были свернуты валиками.

* * *

Минут пять мы стоим в так называемой «бытовке» и слушаем раскатистый бас коменданта. На стенах бытовки висит большое зеркало и плазменная панель с DVD-проигрывателем; в одном углу стоит пара гладильных досок с утюгами, в другом – автомат по продаже безалкогольных напитков; по площади в тридцать квадратных метров расставлены десяток стульев и протертых кресел.

Комендант грозно вещает о правилах бытия на шахте. Рядом с ним для усиления эффекта торчит парочка полицейских амбалов, поигрывая длинными резиновыми палками.

– ...Наша шахта имеет тридцать горизонтов. Первый залегает на глубине десяти метров, последний находится чуть выше уровня моря. Штреки растянулись на многие сотни метров. На шахте все подчинено распорядку, за исполнением которого строго следит охрана. Рабочих на шахте около трехсот человек, все они разделены на две смены: двенадцать часов работа и столько же – отдых. Отдыхающая смена питается в столовой на своем жилом уровне, работающей смене пища доставляется в забои соответствующих уровней. За дисциплиной во время приема пищи также следит охрана...

«Да, знавал я таких начальников: преуспеешь – не заметит, ошибешься – не простит, – рассматриваю я каменное лицо Осипа Архиповича. – Люди для него на последнем месте. После плана, дисциплины и прочих производственных заморочек...»

– ...Поначалу легче ориентироваться по аншлагам – они висят в лифтовых холлах на каждом уровне. О первых трех уровнях шахты можете забыть – они для вас недоступны на весь срок работы.

– А что ж там такого особенного или секретного? – гудит Степаныч. – Сколько проработал на шахтах, никогда такого не встречалось.

– Секретность ни при чем. Просто делать вам там нечего, – отрезал Осип Архипович. – На первом уровне находится жилая VIP-зона, на втором – лаборатория, на третьем – офис. На четвертом уровне размещается медблок; с пятого по седьмой расположены жилые блоки

для простых смертных. Восьмой уровень: прачечная, несколько цехов мастерской и карцер. С девятого уровня начинаются горизонтальные горные выработки. Проще говоря, штреки...

Степаныч, Серега, Гоша и Антоха слушают вводную лекцию вполуха. Они профессиональные шахтеры и отлично знают, как устроена шахта. Мы же с Чубаровым ловим каждое слово.

Однако вскоре тема лекции резко меняется, и комендант переходит от описания обустройства громадного подземного сооружения к карательным мерам местного правосудия и непосредственно к нашей работе.

– Любое нарушение распорядка наказывается штрафом; повторные или грубые нарушения – карцером, – монотонно бубнит он. – В течение первых пяти дней вы будете задействованы на хозяйственных работах. В ваших обязанностях – расчистка ангара от снега, уборка внутренних помещений всех уровней, утилизация мусора...

– Это же самая настоящая тюрьма! – шепчет мне в плечо Андрей Викторович.

– Что наша жизнь? – усмехаюсь в ответ. – Всего десять лет свободы: семь до школы и три после выхода на пенсию.

– Свобода есть осознанная необходимость. Это сказал классик!

– Не парься. Классиков цитируют люди с хорошей памятью, а умные высказывают собственные мысли. Стой и слушай, а то пропустишь главное.

Покончив с вводным инструктажем, комендант сказал:

– Сейчас пойдете со мной на вещевой склад за постельным бельем и рабочей одеждой. После этого переоденетесь и приступите к работе. Сегодня ваш объект – медицинский блок.

* * *

Мы получили каски, обувь, новенькую рабочую форму и успели во все это обрядиться. Теперь мы были такими же ярко-оранжевыми, как и все здешние работяги. Комендант посоветовал надеть комбинезоны без утепленных курток, назвав температуру в медблоке терпимой.

И вот мы снова в просторной кабине отнюдь не парадного лифта. Осип Архипович нажимает на кнопку четвертого уровня, и через несколько секунд мы на месте.

Дверцы разъезжаются и... вместо привычного вида больничных апартаментов перед нами почти такой же уровень, как и жилой, – крашенные стены, бетонный потолок, цементный пол с брошенным поверх дырявым линолеумом. Разве что освещение здесь получше, а вместо жуткой вони пахнет медикаментами и хлоркой. На аншлаге в холле написано: «Уровень № 4. Медблок».

– В такой же отвратительной больнице я проходил практику, – шепчет Чубаров. – Было это в прошлом веке в одной из деревень Смоленской области.

– А ты хотел увидеть филиал Склифа? – цежу в ответ. – Странно, что они вообще оказывают помощь больным на шахте, а не сплавляют их на Большую землю...

По своему строению медицинский блок полностью повторял конфигурацию жилого уровня: тот же бесконечный коридор, те же холлы, те же комнатухи, используемые под палаты, ординаторские и врачебные кабинеты. Охранников здесь меньше, зато попадаетесь народец в светло-зеленых врачебных костюмчиках.

Протопав десяток метров по коридору, комендант останавливается возле узкой двери.

– Подсобка для хранения инструментов и моющих средств. Возьмите щетки, швабры, тряпки, пару ведер и ветошь.

Хранилище пыльное, полутемное, с редким освещением. Отыскав нужные вещи, возвращаемся в коридор.

– За мной, – идет комендант вразвалочку по коридору. Метров через сорок он снова тормозит и озвучивает задачу: – Сегодня нужно прибраться в морге.

«Ого! Тут даже морг имеется?!»

– Да-да, вы не ослышались, в нашей больничке имеется даже морг, – повторяет Осип Архипович, словно уловив мое удивление. Он щелкает выключателем, установленным сбоку от двери, и грозно предупреждает: – К вечеру он должен сиять чистотой! Вам ясно?

Ошеломленные работяги, приехавшие совершать трудовые подвиги в забое, нерешительно топчутся у порога. Для меня и бывшего врача Чубарова задача ясна.

Толкнув дверь, мы первыми перешагиваем порог...

* * *

Заполучив на прежней службе несколько серьезных травм, переломов и пулевых ранений, я повидал всякого. Но оказавшись в местном морге, опешил.

То, что он не отапивался, меня не удивило – это было нормально. Не удивил и сладковатый запах из смеси формалина и разлагавшейся плоти. Но то, как тут обращались с покойниками, и состояние некоторых из них на несколько минут парализовало волю.

Морг представляет собой большую залу, освещенную четырьмя электрическими лампами. Низкий потолок нависает над рядами трехъярусных металлических стеллажей, устроенных вдоль левой стены. На каждом ярусе, плотно прижавшись друг к другу, лежат трупы.

Только единицы имеют привычный вид умерших естественной смертью. Большинство же из них лишены конечностей или голов, некоторые разорваны на части.

Но самая страшная картина предстает перед нами в дальнем правом углу залы. Там трупы лежат сваленными в кучу, высотой почти под потолок. Точнее, не трупы, а изуродованные части тел, вперемишку с внутренностями.

– Господи, – стонет позади меня Чубаров. – Такого кошмара я не видел даже под Смоленском.

Признаться, и я такое вижу впервые.

Из оцепенения выводит окрик коменданта:

– Ну, чего рты раззявили?! «Нулевых» не видали?..

– Кого? – робко переспрашивает бывший врач.

– Шахтеры, погибшие в авариях, – подсказывает Серега. – Типа «двухсотых» в армии.

Деваться некуда. Работяги по очереди проходят внутрь морга, освобождая дорогу коменданту. Тот решительно перешагивает порог.

– Подмести пол, отмыть от крови стены, отскоблить от ржавчины стеллажи. А это, – кивает он на кровавое месиво, – запаковать в мешки и поднять на поверхность. Ясно?!

Никто из моих коллег не может выдать ни звука.

Приходится отвечать мне.

– Где взять мешки? – спрашиваю так, словно до устройства на шахту только и делал, что копался в человеческих останках.

– Сначала займитесь уборкой! Мешки я принесу позже...

* * *

– Негодяи... Разве так можно?.. Хоть бы фартуки выдали и перчатки, – ворчит Чубаров, копясь в куче.

Я стою рядом, держа раскрытый мешок и отворачиваясь, стараясь не набирать в легкие исходящий от останков воздух. Благо умею задерживать дыхание на четыре минуты...

Степаныч со своими парнями наотрез отказался паковать останки в мешки. Поначалу мне не понравилось их решение, отдающее дискриминацией, но когда молодой Антоха рухнул

в обморок поверх трупов, я сжалился над неокрепшей психикой и позволил им скоблить стены и стеллажи.

– Чего молчишь, доктор? – спрашиваю у напарника по «приятной» работе.

– А о чем говорить? – пихает он что-то в пакет.

– Что думаешь об этом: о конечностях, о кишках и прочем.

– Не знаю, – шмыгает он носом.

– Ты же бывший врач, Андрей Викторович. Напряги мозги и выдай версию: как и отчего умерли эти люди.

– Тут и без врачебной практики понятно, что смерть наступила в результате насильственных действий.

– Успокойл, – оглядываюсь на работяг. Но те занимались своей работой и не слышали нашего разговора.

Чубаров поспешил сгладить впечатление от мрачного вывода:

– Или же могли иметь место несчастные случаи.

– Час от часу не легче. По-твоему, выходит, что мужики на здешней шахте работают в гигантской мясорубке. И каждую смену кто-то из них превращается в фарш.

– Не знаю, – повторяет Чубаров. – Странно все это. И... очень страшно.

Подхватив тяжелый мешок, я перемещаю его ближе к выходу. Вернувшись, беру из стопки следующий и подставляю для очередной порции человеческих останков.

– Работай веселее, – советую скисшему интеллигенту. – Быстрее упакуем – быстрее отсюда смотаемся...

* * *

Распихать огромную кучу внутренностей по мешкам из плотного полиэтилена было лишь частью поставленной перед нами задачи. Когда мы покончили с ней, комендант приказал перетаскивать мешки к лифту. Мешков набралось около сотни – их перемещение грозило затянуться до утра. К счастью, коллеги завершили скоблить стены со стеллажами, замели остатки крови в углу и присоединились к нам...

К вечеру мы закончили грязную и чрезвычайно неприятную работу. Долгий утомительный перелет, затянувшееся на несколько часов отвратительное и непривычное занятие в морге; перетаскивание мешков по длинному коридору... Все это дает о себе знать – мы чертовски устали и хотим есть.

Комендант появился вовремя, мы как раз тащили к лифту последнюю партию мешков.

– Справились? – оглашает он холл из распахнувшейся лифтовой двери.

Уняв тяжелое дыхание, отвечаю:

– Справились. Если за это время больше никого не нашинковало в лапшу.

Оценив мой юмор, Осип Архипович впервые за время нашего общения смеется:

– В будни у нас редко кого шинкует. Хотя, конечно, всякое бывает... Зато после выходных пару-тройку мешков с человечинкой принесем.

– Веселые у вас тут выходные.

– Веселые... Идите за мной. Сейчас в душ и на ужин.

Ни хрена не поняв из его шутки, мы плетемся следом...

Душ находился на жилом уровне. Сбросив с себя в раздевалке провонявшую одежду, встаем под струи теплой воды.

Намыливаясь густой пеной и надраивая тело мочалкой, я ощущаю неопишное блаженство. Похоже, и мои новые товарищи никогда не получали такого удовольствия от купания, как после сегодняшней «страды» в морге...

Глава шестая

Российская Федерация, архипелаг Земля Франца-Иосифа, остров Солсбери. Шахта. День первый

По комнатам наша группа разбредалась, неся провонявшую одежду в руках. Женщин на жилом уровне мы не видели, так что стесняться было некого.

Завалившись в свою келью, мы с Чубаровым обнаружили сидевших на нижних кроватях соседей – четверых мужиков в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти. Их ярко-оранжевая одежда висела на стульях и на спинках кроватей.

Соседи сидели кто в чем. Те, что помоложе, были одеты в выдавшие виды спортивные костюмы или джинсы. Самый возрастной щеголял в семейных трусах и вязаном свитере. Задержав на нем взгляд, я сразу заметил татуировки на голых ногах и ладонях; пару шрамов и довольно неприятное лицо типичного уголовника. Младшему было не более двадцати. Он чистил воблу, остальные мусолили мелкие кусочки очищенной сушеной рыбы.

- Здорово, мужики, – бросаю одежду на свою кровать.
- Добрый вечер, – вежливо поздоровался врач.

Никто из компании на приветствие не ответил. Все четверо молча смерили нас оценивающими взглядами.

- Сумки ваши? – подал голос уголовник.
- Наши, – отвечаю за себя и Чубарова.
- Выпить привезли?
- Ты разве не в курсе, что в самолете багаж досматривают?
- Ты мне вопросом на вопрос не отвечай. Тебя конкретно про выпивку спросили.
- Я вполне конкретно ответил: нет.

Пока соседи многозначительно переглядывались, я застилал бельишком постель и готовился дать отпор, ибо других вариантов «теплая» встреча не предусматривала.

Оценив мои габариты и мышцы, лиходеи решили отрядить в штурмовую группу сразу троих. Группа поднялась и медленно направилась ко мне. Вид у товарищей шахтеров был явно не парламентерский, и тянуть кота за яйца было ни к чему.

«Ну что ж, на войне как на войне», – двинулся я навстречу.

Первым попытался нанести удар старший из команды «штурмовиков» – парень примерно моего возраста. Крепкий, коренастый, жгучий брюнет со смуглой кожей, внешне похожий на цыгана.

Его руку я встретил блоком и тут же ответил хлестким боковым в корпус. Цыган отлетел к шкафу, а мне пришлось тут же переключиться на его дружков, решивших заняться мной одновременно.

«Ладно, – сказал я себе, – и не с такими приходилось иметь дело!»

Белобрысый товарищ нескладной конструкции находился слева и нанес удар ногой в мое бедро. Оппонент справа – двадцатилетний недоросток с налитыми кровью глазами – целил кулаком в голову, но зарядил в приподнятое плечо.

Работая вторым номером, я показал блондину, как нужно использовать в единоборствах нижние конечности: крутанувшись, в нужный момент распрямил ногу, в результате чего мой ботинок сорок шестого размера приложился аккурат к его челюсти.

Недоросток тем временем наседал справа. Сократив дистанцию, он лихо размахнулся для удара, вероятно пытаясь напугать меня амплитудой.

Ну, это уже не смешно! Ты за кого меня держишь, биндюжник?! Я же не мешок в зале для тренировки новичков! Нас – боевых пловцов – натаскивали не только для подводных батальи; помимо всего прочего, мы еще и неплохие диверсанты, умеющие противостоять настоящему спецназу на суше.

Нырнув под размашистый крюк, прикладываюсь к его печени, проверяя болевой порог. Сложившись пополам, недоросток мычит.

И это все, на что вы способны?

– Осторожно! – вдруг кричит Чубаров.

Группируюсь и, быстро переместившись в сторону, оборачиваюсь.

Нет, это еще не все. Цыган, улетевший к стене первым, пришел в себя, вынул из кармашка ножичек и с диким ревом обиженного бизона летит на меня.

Перехватив руку с ножом, дважды бью коленом в грудную клетку. Захрипев, цыган валится на пол. Нож остается у меня.

Вот теперь все. Не считая местного предводителя в семейных трусах, свитере и с наколками на голых ляжках.

Заподозрив неладное, вглядываюсь в его сутулую фигуру. Он сидит на том же месте и как будто мусолит ту же сушеную рыбу. Однако правая рука опущена ниже уровня кровати и медленно вытягивает кусок толстой арматуры.

Что ж, пора и тебе показать, кто есть кто.

Лезвие брошенного мною ножа с гулким стуком входит в стенку деревянной тумбочки, что стоит в сантиметрах от его правого плеча.

Мужик не шарахнулся и даже не вздрогнул. Однако повернув голову и посмотрев на торчащий нож, бросил арматуру на пол.

Подхожу. Облокотившись о кровати, нависаю над ним.

– О, да ты у нас инвалид. – Замечаю, что один глаз предводителя прилично косит в сторону.

– Есть немного, – бурчит он в ответ.

– Ты тут, дядя, видать, старший?

– Типа того.

– Ну, тогда выбирай. Либо я сейчас быстрым и надежным способом исправлю твое косоглазие, либо ты на сегодняшний вечер назначаешься дежурным по каюте.

Дядя молча дожевывал воблу.

– Долго выбираешь, – тороплю я. – Очень долго.

– Ладно, – морщится он, оглядываясь на беспорядок и лежащих дружков. – Приберусь...

* * *

Едва я успел переключить внимание на собственную сумку, дабы переложить вещи в шкаф и тумбочку, как в комнату ввалились охранники в черном. Двое были вооружены автоматами, третий держал в руке длинную дубинку. Этого третьего, с сержантским шевроном на рукаве, я запомнил, именно он встречал нашу команду на поверхности и сопровождал в лифте до офисного уровня.

– Что за шум?! – рявкнул он, осматривая место прошедших «дебатов».

Поверженная троица ползала по полу, кряхтела, стонала и размазывала по лицам кровавые сопли. Я, Чубаров и уголовник ответили молчанием. А что было говорить, когда и так все ясно?

– Кто устроил беспорядок? – высверливал охранник злобным взглядом каждого, кто стоял на ногах.

Один из ползавших выплюнул кровавый комок и громко выругался матом. За что моментально получил удар дубинкой по башке.

– Повторяю вопрос! Кто устроил беспорядок?! – допытывался блюститель порядка. Проанализировав детали ристалища, он подошел ко мне. – Ты?!

– Выходит, я.

– Всем присутствующим штраф по тысяче долларов! А тебе – сутки карцера! – объявил он вердикт.

Я попытался обжаловать приговор:

– За первое нарушение полагается штраф.

Не говоря ни слова, сержант взмахнул палкой и огрел меня по плечу.

Помимо простой ударной функции, дубинка была оснащена электрошокером. Получив сильнейший разряд, я отключился...

* * *

Пока меня тащили по коридору, везли в лифтовой кабине и снова волокли под руки, я пребывал в полубессознательном состоянии. В памяти остались лишь бессвязные обрывки и смазанные картинки проплывающих мимо бесконечных дверей.

– В следующий раз поселишься здесь на неделю, и посмотрим, выйдешь ли ты отсюда живым! – отрезал сержант, бросая вслед оранжевый комбинезон. – А пока посидишь сутки. На воде и черством хлебе...

Металлическая дверь гулко хлопнула, отрезав меня от остального мира. Я остался наедине с самим собой в чулане размером два на полтора метра. Цементный пол, вырубленные в скале стены и крохотное окошко над дверью, зачем-то перетянутое решеткой. Сквозь него пробивалось немного света из коридора, по которому меня волокли, прежде чем бросить в карцер.

С трудом поднявшись, ощущаю головокружение от полученного удара током. Мышцы плеча прилично побаливают.

Отыскав на полу вещи, одеваюсь, ибо успел изрядно продрогнуть. Придя в себя, обхожу по периметру временное пристанище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.